

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ВЫСТАВКИ

А. О. Котломанов

ИСКУССТВО В РАЗГОВОРНОМ ФОРМАТЕ. СОБЫТИЯ РОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОСЕНИ 2015 г.

Выражение «искусство в разговорном формате» использовалось при объяснении концепции 6-й Московской биеннале ее организаторами. Это мероприятие показательно с точки зрения привнесения в нашу художественную жизнь зарубежных методов и практик. Для чего проводить в Москве биеннале? В общем, для того же, для чего нужно каждый год устраивать в российской столице кинофестиваль класса «А», притом что сложно вспомнить, когда этот фестиваль привлекал внимание мировой культуры так же, как, скажем, Каннский и Венецианский. По большому счету он никому не нужен, кроме разве что Никиты Михалкова, превратившего это событие в свой семейный праздник. А кому нужна биеннале в Москве? Как она воспринимается в международном контексте? Как показывает практика, это событие почти ничем не запоминается и представляет собой типичную московскую «тусовку», что для события глобального уровня явно недостаточно.

Кураторами МБ-2015 были назначены три иностранца — Барт де Баре, Дефне Аяс и Николаус Шафхаузен, придумавшие некое подобие концепции довольно-таки туманного свойства. ...Москва — город между Востоком и Западом, проблемы общения, глобализации, в общем, ожидаемая цепочка банальностей, ни о чем не говорящих. Девиз звучит как плохой перевод — «Как жить вместе? Взгляд из центра города в самом сердце острова Евразия». Нечто подобное было опробовано в 2014 г. на петербургской Манифесте, также неизвестно чего ради проводившейся. Если проследить историю биеннале в Москве, то видно, что каждый раз она проходила в разных местах. В этом также есть сходство с Манифестой — «европейской биеннале» без определенного адреса. Каждые два года нужно придумывать новые места проведения, новую концепцию, одну туманнее другой, неизменным остается разве что биеннальский «комиссар» — Иосиф Бакштейн, известный московский околхудожественный деятель, глава Института проблем современного искусства.

В столице концентрируется унылая и малопрофессиональная российская художественная жизнь, причем по причине сугубо меркантильной, по той же, по какой Москву вообще можно считать центром всего, что есть в России. Это мало согласуется с объективно полезной идеей развития регионов, где регулярные фестивали, вроде биеннале, были бы как раз очень кстати. Но все ведь хочется контролировать, «разруливать» денежные потоки, следить, кабы чего не вышло... Вот и проводят эту выставку поближе к Кремлю, где вряд ли кто-то всерьез

разбирается в том, что такое искусство (не только современное) и кто сейчас являются художниками первого ряда.

Учитывая, что главное место проведения МБ-2015 — ВДНХ с ее пафосными павильонами советского периода, было бы логично выставить там искусство, соответствующее контексту. Можно было бы представить некую одиозную суперэкспозицию с патриотическими полотнами выпускников Академии Ильи Глазунова, монументальной скульптурой Александра Рукавишникова и Зураба Церетели, центральным объектом мог бы стать колосс князя Владимира... Это было бы мощно, это бы прозвучало на весь мир! В придачу для большей актуальности можно было выставить там, например, панно Алексея Беляева-Гинтовта — огромные изображения орлов и кремлевских звезд красным по золотому фону. К сожалению, на это мало кто решится, нет у руководителей государства таких советчиков, кто бы мог доказать, что единственно возможное оправдание Московской биеннале — идея нового имперского искусства. Об этом, кстати сказать, говорил как-то Тимур Новиков (всерьез или в шутку?), когда вспоминал, как ему предлагали стать куратором российского павильона на биеннале в Венеции. Он думал организовать там выставку «Кремлевские звезды» и продемонстрировать скучающей западной публике все наше самое лучшее — Глазунова, Шилова и Церетели. Да, это было бы сильно...

Отвлечемся от пространных рассуждений и посмотрим, что же было представлено на экспозиционных площадках Московской биеннале. Стоит ли это описывать подробно? В целом все как обычно. Малоизвестные зарубежные художники, художники российские с их подобием творческой активности. Примерно то же самое, что и на Московском кинофестивале, где никогда не бывает мировых премьер, но находятся же люди, которые привозят туда кино. В мире так много тех, кто считает себя художниками, что организовать подобную выставку несложно, главное, чтобы деньги не кончились в неподходящий момент. С ними ведь в России всегда трудности, их все время не хватает, сколько бы их ни выделили. А Министерство культуры предоставило для биеннале крупную сумму, которая, конечно же, оказалась недостаточной.

Отдельный вопрос — зачем приглашать кураторов из-за границы. Это похоже на ситуацию в российском футболе, когда клубы закупают за рубежом «легионеров», которые затем нехотя что-то изображают вместо игры в мяч. То ли климат у нас неблагоприятный, то ли что-то другое, но практика эта малопродуктивна. А тут еще и западные кураторы с многообещающей идеей про «разговорный формат» искусства. Что же это за формат? Дело в том, что во время биеннале проходили всевозможные обсуждения в русле дискутирования о проблемах интеграции и глобализации, как будто на эти темы еще не все высказано. Зачем-то пригласили даже Яниса Варуфакиса, полгода возглавлявшего министерство финансов Греции. Какое отношение Варуфакис имеет к искусству, совершенно непонятно. Но ведь искусство должно быть актуальным! Оно должно будоражить публику, напоминать о животрепещущих вопросах, предлагать на них ответы. Наверное, с той же целью в Москву прибыла и украинско-грузинская художница Алевтина Кахидзе, за год до этого во время Манифесты устроившая на Дворцовой площади сумбурный политический перформанс, который почти никто не заметил.

Откровенно говоря, пора бы уже заканчивать с этой порочной практикой копирования западных образцов и, если нашей стране так нужна художественная биеннале, проводить ее где-нибудь в Перми или в Сочи, а комиссаром назначить Марата Гельмана с условием выставить только российских художников. Интересно, сколько бы лет подобная биеннале просуществовала? Странно, что наше Министерство культуры не обращает на все это свой ревнительный взор, вот уж где благодатная почва для всякого рода государственной критики, но, как мы уже говорили, Российскому государству мало дела до того, что происходит в сфере искусства, и даже Министерству культуры.

Заметим справедливости ради, что во время биеннале в Москве прошла одна выставка вполне мирового уровня. Она состоялась в бывшем Бахметьевском гараже, ныне занимаемом Еврейским музеем и центром толерантности. Героем экспозиции стал известный британский художник Аниш Капур. Проведение этой выставки совпало с громким скандалом, в центре

которого был А. Капур и о котором сообщили даже некоторые российские телеканалы. Речь идет об экспонировании его произведений в Версальском парке, где среди прочего была представлена гигантская инсталляция под названием «Грязный уголок», установленная прямо на центральной аллее. Якобы перед открытием выставки в Версале художник имел неосторожность сравнить эту инсталляцию с женскими гениталиями, хотя в дальнейшем утверждал, что ничего такого не говорил. Тем не менее сказано это было достаточно громко, чтобы возмутить современных французских монархистов, понявших данную фразу как оскорбление памяти королевы Марии-Антуанетты. В итоге скульптура из ржавого железа покрылась граффити с надписями, оскорбляющими автора композиции. Интересно, что до этой истории художник воспринимался одним из тех мастеров западного искусства, кто в своих работах транслирует некий загадочный восточный смысл, чуть ли не философию. Его все знали как британского индийца, прославившегося абстрактными произведениями, сделанными из цветных пигментов, синего, желтого или красного, огромными зеркальными скульптурами, среди которых наиболее известно «Облако», установленное в Чикаго. Теперь же А. Капур, никогда не вкладывавший в свои работы какой-то определенный смысл, стал восприниматься совершенно иначе. И все из-за малоудачного произведения, для него не вполне характерного. Такие вот бывают повороты судьбы. В общем, его экспозиция в московском Еврейском музее имела определенное значение, хотя демонстрировалось там то же, что и на других его подобных выставках — бесформенные скульптуры из пигмента, воска и зеркальных поверхностей, не имеющие названия и намекающие на некий глубочайший смысл.

Симптоматично, что в последнее время публика стала как-то особенно чутко реагировать на произведения искусства. Во Франции до истории с А. Капуrom произошла малоприятная ситуация с не менее известным художником Полом Маккарти, выставившем в конце 2014 г. на Вандомской площади громадный объект, напоминающий «игрушку» из секс-шопа. Сделано это было в канун Рождества, и сей объект, имеющий коническую форму, должен был скорее напоминать елку, но зрителя не обманешь, и он все понял буквально. В результате пострадало и произведение, и даже сам автор, которому сейчас около семидесяти лет. Можно вспомнить и безобразные выходы некоторых российских «активистов», которые якобы из религиозных убеждений вдруг пришли на выставку в Манеж и стали громить работы Вадима Сидура, созданные несколько десятилетий тому назад. Можно еще вспомнить и то, что уже не первый год происходит в Ираке и Сирии, и тогда уж совсем станет не по себе, настолько все это отдает средневековой мертвечиной. Наметилась ли новая тенденция во взаимоотношениях современного искусства и публики?

Вероятно, мы все-таки действительно переходим в новую эпоху, которую и стоило бы считать постмодернизмом, если бы этот термин не провозгласили много ранее и, как выясняется, ошиблись. Поколение, выросшее за последние двадцать лет, — это действительно люди постмодерна, воспитанные инфантильными образами кинематографа и еще более инфантильными компьютерными играми. Искусство, каким бы оно само по себе провокационным ни было, в этой системе координат воспринимается как неуместный рудимент, архаизм, который необходимо уничтожить. К сожалению, приходится признать, что в ближайшее время проблема сохранения культурных ценностей станет одной из самых актуальных.

Что интересного происходило в Петербурге во время подготовки и проведения очередной биеннале в Москве? Помимо выставок, рассмотрение которых мы здесь пропустим, в городе состоялось одно важное событие, которым можно подытожить данный обзор. Речь идет о конференции, прошедшей 15 сентября в Мраморном дворце. Организованная Министерством культуры, она носила название «Что такое искусство: современный взгляд». Заметим, что информация о ней почти отсутствовала, и до такой степени, что помимо сотрудников Русского музея и официально заявленных гостей из Москвы в ней никто не участвовал. Вероятно, организаторы чего-то опасались.

Мероприятие это было весьма специфическим. Например, модератором дискуссии на конференции была руководитель Центра культурной политики «Института наследия» Капи-

толина Кокшенева — дама экзотического вкуса и малоприятных убеждений в духе правой государственной идеологии. Среди близких ей по духу выступавших выделялся заслуженный художник РФ Иван Глазунов (сын И. С. Глазунова), произнесший гневную тираду об авангардистах — врагах России. Были речи и в защиту современного искусства, прежде всего от руководителя отдела новейших течений ГРМ А. Д. Боровского и его сотрудников. В целом конференция имела определенную цель — указать место «современному искусству» в противовес «традиционному», которое государство собирается официально поддерживать.

Удивительно, что в начале XXI столетия в «культурной столице» крупнейшей европейской страны проходят дискуссии на тему «Что такое искусство», и уж совсем дико выглядят люди, наделенные высокими званиями, не стесняющиеся своей глупости и мракобесия. В средневековье есть нечто привлекательное, но когда оказывается, что мы в нем живем, становится, мягко говоря, невесело. Трагикомические потуги государства указывать искусству, что хорошо, а что плохо, делают нашу культуру еще более унылой и сонной. Насколько долгим будет этот новый застой, пока неясно. Впрочем, сейчас все происходит значительно быстрее, чем в прошлом веке, так что вполне возможна ситуация, когда вскоре все поменяется в противоположном направлении. Тем более что российская жизнь известна своей непредсказуемостью. Так что будем по-прежнему верить в наше светлое будущее.

Контактная информация

Котломанов Александр Олегович — кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Российская Федерация, 191028, Санкт-Петербург, Соляной пер., 13; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; kotlomanov@yandex.ru